

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Книги Александры Христовой
в серии
МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

**МЕРТВОЕ СОЛНЦЕ
ТЬМА ДРЕВНЕГО ЛЕСА**

Александра ХРИСТОВА

ТЬМА
ДРЕВНЕГО ЛЕСА

Роман

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Х93

Серия основана в 2004 году
Выпуск 440

Художник
Е. Никольская

Христова А. А.

Х93 Тьма древнего леса: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 314 с.: ил. — (Магия фэнтези).

ISBN 978-5-9922-1322-5

Темен древний лес, хранящий в себе множество тайн. Жестоки его исконные обитатели — эльфы, о которых рассказывают чудесные сказки и кровавые легенды, и часто одно нельзя отличить от другого. Опасна семья Аторре — семья безумцев, семья палачей, семья ценных псов Великого князя... И меня угораздило влиться в эту семью. Из огня да в полымя!

Учеба, тренировки, обязанности наследника знатного рода — все это обрушилось на мою бедную голову. А потом еще и эльфийский княжич возжелал свободы и удрал на волю, в академию, прихватив меня с собой в качестве охранника. Правда, защита малолетнего эльфа оказалась еще более хлопотным занятием, чем тренировки с новоявленным дедом... Но из двух зол выбирают меньшее, а из обучения на убийцу и учебы в академии я однозначно выберу академию — и пропади оно все пропадом!

Но не стоило мне забывать о своем старом враге...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1322-5

© Христова А. А., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

С рождения учили быть лучше всех:
Да, деньги, карьера — вот это успех,
Ты послал к чертям этот мир — и гори он огнем!

Группа «Ольви». Свобода

ПРОЛОГ

— Эилиан, что ты творишь?! — буквально выпал в ледяную пустошь из распахнувшихся Врат высокий мужчина, одетый в огромный черный тулуп, который нелепо смотрелся поверх стальных доспехов. Синеглазый юный бог только хмыкнул и, лениво поднявшись на ноги, шагнул вперед. Длинные полы золотистой шубы волочились за ним, подобно диковинному шлейфу.

— Что случилось на этот раз, Торрэн? — скептически спросил он и сдул с глаз выбившиеся черно-седые пряди. — Я опять кого-то забыл убить? А, нет, постой, дай догадаюсь, — насмешливо прищурился мальчик и глубже зарылся носом в пышный воротник так, что из золотого меха теперь виднелась только встрепанная шевелюра и усталые синие глаза. — Ты опять решил устроить массовое нашествие тварей на Тарс, а мои жрецы сумели это предотвратить? Или...

— Придурок! — взревел старший бог и, метнувшись к своему самому младшему брату, схватил его за плечи и так потрянул, что у Эилиана клацнули зубы. — Идиот! В повелителя судеб поиграться захотелось? Иномирцу решил помочь?! Не надоело еще, бестолочь малолетняя? Мало ты тут сидишь...

Сокрушительный удар в челюсть заставил Торрэна выпустить брата из захвата и со сдавленным хрипом отлететь в сторону. Эилиан потер разбитые костяшки кулака, машина-

льно лизнул ранку и, ощерившись, подошел к пытающемуся подняться на ноги мужчине.

— В повелителя с-с-судеб игр-р-раюс-с-сь?! — оскалив приличного размера клыки, зашипел немертвый бог в лицо опешившему брату. — Скотина ты, брат! О, верно, я играюсь... А ты только о своих молотках да гномах и думаешь! Вынь, наконец, свою голову из задницы и оглянись! — сорвался на крик Элиан. — Торрэн, что ты безмозглый придурок, я давно знаю, но неужели ты даже не заметил тварь Пустоты в нитях мира?!

С этими словами Элиан, вздернув старшего брата за шиворот, легко поставил его на ноги и, подтащив к краю основания Врат, ткнул лицом в ближайший сугроб.

— Прислушайся, обалдуй великовозрастный! Прислушайся к снегам! — рыкнул он. — Слышишь? Ты слышишь это, брат?

Торрэн покорно прислушался — и замер, подобно статуе.

— Но к-как? Откуда?

— От Хартуда! — огрызнулся в ответ паренек, отпуская ворот тулупа, отчего Торрэн с головой скрылся в глубоком сугробе. — Пришел, понимаешь ли, с гостинцами от дяди — бутылочкой рябиновой настойки и домашними хлебцами — посидеть, чтобы мне в одиночестве тут скучно не было... Разуей глаза, брат! Это пустотная тварь! Откуда она могла прийти?

— Из Пустоты, — одними губами проговорил мужчина, смотря в никуда остановившимся взглядом.

— Ответ верный! — съехидничал Элиан и, тяжело вздохнув, отошел в сторону, с головой завернувшись в мех.

Некоторое время царила напряженная тишина, нарушаемая только тихим свистом ветра.

— Я не могу больше держать тварь в одиночку, — тихо начал Элиан, глядя на холодные снега. — Мне нужна ваша помощь! Не только твоя, Торрэн, но и Каирри тоже. А вы упорно делаете вид, что распадающийся на клочки мир, который я уже год держу, лишь связав все нити через суть того самого упомянутого тобой иномирца, — это нормально. И то, что те-

перь только этот иномирец способен прогнать тварь без риска разрушить все, что мы делали, и не раствориться в Пустоте, для вас тоже не представляет интереса. Идиоты! Оба!

— А Имиалла с Харрэсом? — тупо спросил мужчина, кое-как вставая на ноги и забираясь на высокий фундамент.

— Харрэ всегда был на моей стороне, — одними губами улыбнулся седой мальчишка. — Он уже давно держит эльфов и дриад в железном кулаке, так что с этой стороны удара можно не опасаться. Сестренке приходится тяжелее — на ней сразу два вольных народа, но и она пока худо-бедно справляется. А вот среди людей и гномов скоро жди войны на уничтожение.

— Мои гномы никогда не поддадутся безумию твари Пустоты! — надменно вскинул голову Торрэн, отряхивая тулуп от снега и ежась от попавшей за шиворот и теперь текущей по спине ледяной воды.

— Ну да, ну да, — ехидно осклабился Элиан и снова уселся на холодный камень, прислонившись спиной к Вратам. — Тогда это не твои гномы из кланов Свитка, Пера и Меча устроили междоусобицу, и теперь в горах зреет гражданская война. Это какие-то другие, чужие гномы — однозначно не твои, братишка...

— Что ты сказал?! — взвился Торрэн и, метнувшись к Вратам, одним рывком заставил их распахнуться. — Я предупрежу Каирри! — успел крикнуть он, прежде чем его буквально вышвырнуло мощным порывом ветра обратно в мир.

Элиан только покачал головой. Глаза его были печальны.

— Тебя ждет неприятный сюрприз, брат мой, — тихо промолвил он. — Очень неприятный...

— Капитан! — раздался над кораблем крик. — Вы только поглядите на это!

Заспанный эльф-полукровка подошел к кричащему матросу, взглянул за борт... Чтобы в следующий момент, встряхнувшись, резко спросить:

— Давно заметил?

— Никак нет, капитан. — Для полноты момента матрос отчаянно замотал головой. — Они всплыли буквально несколько атисс¹ назад. Я как увидел, сразу же позвал вас.

Несколько мгновений капитан, наполовину свесившись за борт, внимательно разглядывал раздувшиеся, синие от неведомой отравы тела русалок. Затем осенил себя знаком Торрэна, отошел в сторону и скомандовал:

— Уходим отсюда. Живо! — рявкнул он, поняв, что команда его не слышит, а только зачарованно смотрит на изуродованные тела когда-то прекрасных морских жительниц. Народ тут же засуетился и забегал по палубе, а полукровка бросил прощальный взгляд на мертвых русалок. Пригляделся... И над морскими просторами разнесся отборнейший мат.

Корона... На голове одной из мертвых русалок была наде-та изящная тонкая корона!

Это какая же тварь посмела убить правительницу русалок?!

Капитан не знал этого — и не хотел знать. Он только надеялся, что море, обычно столь дружелюбное к нему, не станет в ближайшее время его могилой.

¹ Атисс — местное название минуты.

Часть первая

НЕТ ПРАВА НА ПОЛЕТ

ГЛАВА 1

Вы все еще спите? Тогда мы идем к вам!
Добрые соседи

Бум! Бум! Бум!

У-у-у, кому не спится в ночь глухую?

— Пошли все ...! — гаркнул я, заматываясь в собственные крылья от ярких рассветных лучей и игнорируя громкий назойливый стук в дверь.

Тихонько заскулив, я вдобавок накрыл голову еще и подушкой, при этом ухитрившись сбросить на пол возмущенно запищавшую Миледи. Дайте поспать, изверги! Я лег меньше сеада¹ назад!

Действительно, в свою комнату я вернулся незадолго до восхода второго солнца — как раз в то глухое время, когда звезды уже померкли, а яркое утро еще и не думает наступать. Объяснялось мое столь долгое отсутствие очень просто: я заснул, сидя на дереве. Банально отключился, убаюканный мерным покачиванием ветвей и шелестом листьев. Как хорошо...

Очнулся же от чьего-то осторожного ледяного прикосновения к моей руке. Подлетев от неожиданности и едва не сверзившись вниз, я, судорожно хватая ртом воздух, гневно уставился на беззвучно смеющегося князя. Напугал, гад белобрысый! А если бы я не удержался и упал — что тогда? Думается мне, что в таком случае то, что от меня бы осталось, можно было бы соскрести в ма-а-аленький такой кулечек.

¹ Сеад — местное название часа. Равен шестидесяти атисс.

Жестами показав мне, что надо бы уже отцеплять свои кости от дерева и перебираться к себе в комнату, князь шустро куда-то пополз. Тоже мне, дитя леса. Гамадрил-переросток облондиненный... Каа на него нет!

Тихо, но очень выразительно выругавшись в адрес одной остроухой сволочи, посмевшей прервать столь восхитительный сон (благо князь действительно, словно заправская обезьяна, ловко скакал по веткам к себе в комнату и меня просто не услышал), я с грацией похмельной белочки, больной радикулитом (а что вы хотите? полежите несколько часов на ветках — что тогда будет? у меня все тело затекло!), принялся слезать с насиженного и такого уютного места. Ну да, если я завтра... точнее, уже сегодня утром не обнаружусь в своей комнате, то воплей будет... До потолка.

А вот тут возникла проблема. Окон в обозримом пространстве было много. И большая часть из них — примерно каждое четвертое — была открыта. Но самое паршивое — я не чувствовал свой маячок! Наверняка потерял над ним контроль, когда уснул... Или силы мало вложил... Или... Да какая разница! Главное — итог: маячок рассеялся.

И князь уже удрал... Тарзан, е-мое! Бандерлог коронованный. Разве что не ухаёт, перепрыгивая с ветки на ветку.

Как мне теперь в свою комнату вернуться?!

Я с детства любил цирк. Меня особенно захватывали выступления акробатов — их пируэты высоко над восхищенными зрителями, их бесстрашие, потрясающая ловкость и невероятная грация... И я никак не мог предположить, что когда-нибудь сам окажусь на их месте!

Несколько распахнутых окон, возле которых я не увидел ни одной мало-мальски подходящей ветки, были отвергнуты мной сразу же: если бы возле моего окна не было хотя бы одной крепкой ветки, я бы просто не полез — и плевать на неожиданный приступ клаустрофобии! Пережил бы как-нибудь... Мне мои кости еще дороги в целом состоянии.

Зато даже после такого отсеивания осталось не меньше двух десятков окон. И в каждое мне нужно было заглянуть. А до них еще следовало добраться!

Пришлось, изображая из себя циркового шимпанзе, карабкаться по ветвям, периодически цепляясь за стены дворца и заглядывая в каждое открытое окно. Брр... Чувствую себя извращенцем.

Но и в уютную кровать, под теплое одеялко тоже хочется... Так что ползем и не возмущаемся!

Первые полтора десятка комнат были либо пустыми, либо вообще — складами старой мебели. Пришлось, тяжело вздыхая и поминая всех предков до седьмого колена одного отдельно взятого рыжеволосого эльфа, притащившего меня сначала в свой лес, а затем бросившего на произвол судьбы, ползти дальше...

Нет, я бы мог залезть еще в первое же окно и затем бродить по коридорам дворца, а не рисковать своими костями. Но я еще помнил мой вечерний забег вместе с княжичем по коридорам. Во имя первозданного Хаоса! Если я даже не знаю теперь, где находится моя комната, то выйти из этих ходов-переходов можно даже не пытаться. Заблужусь намертво — и обнаружат через несколько лет только мой чистенький скелетик... Незавидная участь. Уж лучше сразу бац — и все, чем умирать от голода и жажды в лабиринте. Самое же противное то, что если в комнатах окна были относительно широкими и через них можно было спокойно пролезть, то узкие щели в коридорах, по недоразумению носившие гордое название «окна», были годны только для того, чтобы отстреливаться. Так что наружу я, случись мне заблудиться, просто не выберусь. И не факт, что мне удастся хотя бы поцарапать стены, не говоря уже о том, чтобы их разрушить...

Брр... На фиг, на фиг такие мысли!

Поежившись, я продолжил заниматься акробатикой в попытке заглянуть в очередное окно.

Ох ты ж... Чтоб меня приподняло да шлепнуло о ближайший же кактус!

В очередной комнате, куда я сунул свой любопытный нос, на кровати безмятежно спал эльф. В чем же проблема? А в том, что эльф этот был старым. Если князь и дед выгля-

дели крепкими мужчинами, где-то около сорока пяти, то спящему я по человеческим меркам не дал бы меньше семидесяти. Это ж сколько ему на самом деле лет?! Три тысячи? Четыре? Больше? Раритет, однако. Живое ископаемое. Диплодок, ага. Или тираннозавр. Интересно было бы с ним пообщаться...

Тряхнув головой, чтобы выгнать из нее всякий бред, я еще раз окинул практически невозможное явление — старого эльфа — взглядом. Длинные серебристые волосы без единой цветной пряди живописно разбросаны по постели, лицо с тонкими чертами изборождено морщинами... А на левой руке, лежащей у эльфа на груди, красуется до боли знакомая черно-серебристая татуировка в виде цветка.

Бть... Так, Мстислав, отползаем отсюда. И поаккуратнее, поаккуратнее... Да пошустрее — не стоит тут задерживаться... Вот только внезапно разбуженного, а потому неадекватного и злого жреца Мертвого солнца мне сейчас для полного счастья и не хватает! Так что ходу, ходу...

Ну разумеется, тут просто не могло не сработать мое вывернутое наизнанку везение! Ветка, столь крепкая на вид, под моим небольшим весом внезапно хрустнула — и обломилась!

С приглушенным воплем, в котором отчетливо слышалось известное русское: «... мать!», я обреченно полетел вниз. В этот момент чья-то рука цепко ухватила меня за шиворот — едва не задушив, между прочим! — и с силой втянула в помещение, где я благополучно повстречался с полом... С крепким, устойчивым и не ломающимся под ногами полом!

Кое-как откашлявшись и отдышавшись, я, решив поблагодарить своего нежданного спасителя, поднял голову... и судорожно сглотнул.

На меня прозрачными льдисто-голубыми глазами с недоумением взирал жрец. Тот самый, в чью комнату я заглядывал меньше атисс назад.

Молчание затягивалось. Я не знал, что можно в такой ситуации сказать, а жрец... Ход его мыслей я даже не берусь

предсказать. Мало ли о чем он думает? Может, прикидывает, как меня будет лучше на алтарь уложить?

В этот момент эльф тихо рассмеялся. Ну и смех... Честное слово, зимой на улице в метель и то уютнее!

Стоп! Та-а-ак... Я что, опять говорил вслух? Да сколько ж можно?! Я думал, что уже избавился от этой привычки... Нет, мне однозначно надо попросить новоявленного деда, чтобы он выбил из меня это пристрастие озвучивать собственные мысли. Пусть он и сволочь, но зато наверняка знает, как с таким бороться.

— Вы кто такой, юноша? — отсмеявшись, дружелюбно поинтересовался у меня эльф, устраиваясь в кресле. Дружелюбно-то дружелюбно... Но вот его глаза буквально приморозивали меня к месту. И не сказать, что это делается специально — я много раз видел у того жреца из храма в Харша-се такой же взгляд. Только у сильфа он был куда более теплым и приветливым...

— А я так — мимо проползал! — с радостной улыбкой идиота начал я, аккуратно отодвигаясь к окну. Уж лучше я переломаю себе кости, чем примерю на себя роль ледяной скульптуры. Вечная жизнь — это, конечно, хорошо, но не в виде оригинального комнатного украшения! — Заблудился немного, вот и искал свою комнату. Все-таки утро скоро, вампиры уже попрятались, охотиться не на кого... Вот и карабкаюсь себе потихоньку домой. Правда, как я понял, моя комната несколько ниже. Так что ничего, если я полезу дальше? Вот и хорошо, вот и спасибо вам!

Какие вампиры? Какая охота?! Что я несу?!

— Стоять.

Всего одно слово — и какой эффект!

Меня опрокинуло на пол и тут же приморозило к нему. Причем в прямом смысле — деревянная поверхность вокруг покрылась тонкой корочкой льда. Я возмущенно заорал, с трудом сдерживаясь от мата — холод существенно обжег нежные части тела даже сквозь плотные кожаные штаны. Эй, за что?! Ладно руки — не в первый раз с них кожу сди-

раю, в конце концов, бывало и хуже... Но я всегда считал, что на подобное коварство, вроде льда в штанах, способны только обиженные любовницы. Больно же!

После моего негодования, выраженного подобным образом, холод из штанов убрался, но ладони все еще оставались примороженными к полу. Как будто, случись что, это сможет меня остановить! Если я даже цепи рвал, когда леди Исаниу проводила надо мной особо паскудный эксперимент...

— А теперь поговорим серьезно. Кто вы такой и что забыли в моей комнате? — буравя меня взглядом, холодно поинтересовался жрец, задумчиво взвешивая в руке небольшую — сантиметров десять в диаметре — белоснежную ледяную сферу. Я непроизвольно поежился: по моим прикидкам, подобным шариком, похожим на земную галогеновую лампочку, можно было бы заморозить княжеский дворец целиком, вместе с его обитателями и приличным куском местности вокруг. И этот старик что, собирается использовать сие милое заклинание против такого безобидного и хорошего меня?!

О-хо-хо... Я знал, что все жрецы Мертвого солнца — сумасшедшие... Но не думал, что настолько! Что ж мне так в этой жизни на психов-то везет?

Состроил щенячьи глазки в слабенькой попытке хоть как-то разжалобить моего пленителя — тот только хмыкнул и подбросил на ладони немного потемневшую сферу. Вот честное слово, даже при общении с моей бывшей хозяйкой-мучительницей мне не было так страшно за собственную шкуру!

Напоследок еще раз безуспешно попытавшись отлепить ладони от пола, вздохнул и принялся каяться:

— Меня зовут Раалэс. В вашу комнату попал абсолютно случайно: я всю ночь просидел на ветках, а спускаясь обратно, обнаружил, что маячок на моем окне рассеялся. Поскольку я во дворце впервые, то определить, где моя комната, не мог. Вот и заглядывал в каждое открытое окно в попытке понять, откуда я вылез...

Да отпусти же ты меня, дядя! Я начинаю нервничать! А когда я нервничаю, окружающая обстановка имеет нехорошую тенденцию переходить из целого состояния в состояние мелкополоманное...

Несколько секунд эльф пристально и несколько оценивающе меня разглядывал, словно раздумывал: впишется в интерьер его спальни новая авангардная ледяная статуя в виде крылатой бледной немочи или не стоит утруждаться? Потом кивнул и развеял сферу.

— Ты не врешь, — задумчиво протянул он. — Я не чувствую в тебе фальши.

— Тогда, может, отпустите меня? — демонстративно, но осторожно подергал я руками, показывая, что имею в виду. Старик перевел взгляд на мои примороженные к полу ладони и чуть нахмурился. В этот же момент лед не растаял — испарился!

— Ай, чтоб тебя. — Забыв, где, а главное, рядом с кем нахожусь, я принялся ругаться, баюкая руки. Что произошло? А все очень просто. Вы когда-нибудь пробовали прикоснуться к жидкому азоту? Вот-вот. Кожа на моих ладонях под воздействием заклинания превратилась в хрупкую ледяную корочку... Которая при первом же движении осыпалась осколками, обнажая мышцы. Больно-то как!

Интересно, а что бы произошло, если бы эльф не снял заклинание холода с моей нижней части в самом начале? Брр... Страшна ты, судьба евнуха!

Коротко, но очень выразительно объяснив, где, с кем, когда, как и в какой позиции я видал всех предков одного особо наглого жреца, я плюнул на все, встал и пошел к окну, игнорируя опешившего хозяина помещения и стараясь не заляпать кровью ковер или обивку мебели и стен. Эльф имел вид обалдевший — видимо, его давненько не посылали. Ничего, повторение — мать учения! Освежит немного память, пыль с нее стряхнет, паутину сметет. А то склероз, ма-разм и прочие милые неожиданности в его-то возрасте...

Тоже мне, жрец Мертвого солнца, защитник сирых и убогих, Клубничка Черный Плащ! Сволочь свежезамороженная!

Вот интересно, а как я с такими руками полезу дальше? Риторический вопрос: как это сделать? Ладно, посижу немного на ветке, подожду, пока подживет. Правда, в таком случае я точно не успею вернуться в свою комнату к рассвету... А значит, сладкий утренний сон накрылся медным тазом. И буду я завтра ползать сонной мухой. Что такое «не везет»...

— Да подожди же ты! — Меня схватили за плечо и резко развернули на сто восемьдесят градусов. Прежде чем я успел что-то сделать, эльф одной рукой цапнул меня за правое запястье, проведя второй над изуродованной ладонью. Миг — и я изумленно пялюсь на абсолютно здоровую конечность, а жрец уже залечивает вторую.

— С-с-спасибо, — ошарашенно выдавил я, разглядывая чистые — даже следов не осталось! — ладони.

— Не за что, — хмыкнул эльф, плюхаясь обратно в кресло...

— Не может быть! — Гроуд Наар из клана Свитка в ужасе смотрел на собеседника. — Скажи, что ты ошибся!

— Нет. — Младший брат Гроуда Хадр только покачал головой, глядя сквозь своего единственного живого родственника в никуда. — Черная паутина затянула горы. Черная вуаль. Пустота, брат! Пустота, ничто — вот что нас всех ждет! Слышишь?! Ничто! — И младший гном, упав, забился в судорогах, выкрикивая все одно: «Нас ждет Пустота!» Тут же к нему подскочили двое молоденьких служек и, вежливо извинившись перед опешившим Гроудом, уволокли Хадра куда-то в темноту храма Торрэна.

Черноволосый гном с тоской посмотрел вслед младшему брату. Сам он был типичнейшим представителем Идущих первыми¹, без малейшего намека на какие бы то ни было

¹ У жителей гор Гхорт имеется четкое деление на касты по функциональным и магическим признакам: каста жрецов и их помощников — Говорящие с богами, каста магов и каста простых граждан — Живущие спокойно, военные касты — Идущие первыми (в основном щитоносцы и берсерки), Разящие (мечники) и Убийцы (лучники, арбалетчики и разведчики). Во главе государства всегда стоит убийца с магическим даром.

силы — тогда как Хадр, худой и невысокий, был говорящим с богами. Более того — отмеченный ими. Слепнув в результате несчастного случая, Хадр мог видеть куда больше, чем доступно простым смертным. И сейчас он увидел нечто страшное. Что-то, что могло оказать пагубное влияние на и без того слабую психику гнома, расшатанную волнениями по поводу пропажи старшего брата.

Гроуд задумчиво потер шею — этот жест появился у него в черные времена ношения ошейника и, вероятно, останется с ним до конца дней. Еще десятилетие назад он бы жестоко высмеял подозрения своего брата. Но теперь, получив от жизни жесточайший урок, гном научился сдерживать свой темперамент и прислушиваться даже к самому нелепому мнению. А своего брата Гроуд никогда не считал дураком. Безумцем? Возможно. Но не дураком.

О том, чтобы сообщить о произошедшем с братом старейшинам, не было и речи — Гроуд и без того числился у них не на самом хорошем счету. Невероятно, его посмели обвинить в том, что он не удрал из рабства или, если не было такой возможности, не покончил жизнь самоубийством! Агр-р-р...

Гроуд даже не допускал мысли о том, чтобы самостоятельно распрощаться с жизнью. Если он умрет — кто тогда позаботится о Хадре? Жрецам он нужен исключительно как провидец, и никого не интересуется, что творится у юного гнома в душе.

А Гроуд знал. Он помнил, как они с братом — еще дети на тот момент — попали под обвал. Помнил, как Хадр, совсем недавно обнаруживший в себе магический дар, держал с помощью силы камни над головой долгие сеады, пока их не нашли. Помнил шепот лекаря: «Мальчик не выживет, он сжег себя». Помнил свою радость от того, что брат все-таки остался жив. И дикий ужас, когда выяснилось, что Хадр ослеп.

Родители умерли вскоре после трагедии, произошедшей с их младшим сыном, и Гроуду пришлось идти на самую черную работу в каменоломнях — все для того, чтобы брат

был сыт, одет и обут. И как же он был счастлив, что у младшего открылся дар провидца! Редчайший, уникальнейший дар... Но несущий в себе опасность безумия для своего хозяина. И теперь, судя по всему, служители Торрэна сочли Хадра безумцем.

А безумных провидцев обычно милосердно убивали, ибо болезнь сжирала их.

Гроуд не мог позволить уничтожить единственное дорогое ему существо, пусть оно даже будет совершенно безумным. Ради Хадра он был готов на все — даже на предательство собственной расы.

Обращаться за помощью к главе касты Гроуд не стал — слишком сильными были в последнее время волнения среди жителей гор Гхорт. Оставалась только надежда на Рыжего Мистика — шрамолицега знатного эльфа. Быть может, в эльфийском государстве Хадр будет в безопасности.

Кивнув своим мыслям, Гроуд развернулся к выходу из храма. Надо было сделать еще очень много.

Умиротворенный и довольный, как нализовавшийся сметаны кот, с побулькивающими в желудке тремя большими чашками чего-то среднего между крепким чаем и коньяком (но даже без намека на опьянение), я с блаженным вздохом зарылся под одеяло в своей комнате. Так и не проснувшись Миледи только возмущенно пискнула, когда я спихнул ее с подушки. Спа-а-ать... Скоро рассвет второго солнца, а я еще не ложился.

Жрец, представившийся как Арициан («и тут нет ничего смешного, парень, я что, виноват, что подобные имена были в моде четыре с половиной тысячи лет назад?»), оказался крайне интересным собеседником с весьма специфичным взглядом на жизнь и хорошим чувством юмора, хоть и черного. Ну да, чтобы прожить столько времени и не сойти с ума, нужно быть либо прожженным циником, либо закон-

ченной сволочью, либо абсолютным пофигистом... Либо верховным жрецом Мертвого солнца.

Когда я узнал, что меня кормит вкуснящим мягким печеньем («сам готовил, между прочим, угощайся!») и развлекает ночной беседой существо, по праву считающееся одним из опаснейших во всех обитаемых землях, то нервно икнул и сделал попытку просочиться сквозь пол, прихватив с собой уютное креслице, в котором сидел. А ехидный смешок эльфа только подогрел мое желание смыться подальше. Скажем, на другой континент. Или вообще — на остров нимф... Говорят, там можно спрятаться даже от магического преследования. Может, удастся скрыться и от негодующего жреца, чье имя весьма оригинально переводится с эльфийского как «одуванчик»?

Вот только я не понял одного... Почему я еще жив? Ведь если вспомнить все то, что рассказывают про верховных жрецов местного темного божества, то я уже должен либо красоваться в виде ледяной статуи, либо лежать грудой ледяных же осколков! Но никак не наслаждаться беседой в половине пятого утра и медитировать над чашкой ароматного чая. Большой такой чашкой, зелененькой... В мелкую ромашку и розочку... Прелесть, что за чашка! Я тут же захотел обзавестись подобным чудом гончарного искусства. А что? В самый раз будет, чтобы доводить до нервного тика особо впечатлительных личностей типа деда, Элли, Рая, князя... и прочих заблудившихся.

Через некоторое время я начал отчаянно зевать. А что? В конце концов, я не жрец, который привык к ночному образу жизни и ложится спать тогда, когда остальные собираются вставать — я обычный посвященный. И поспать люблю. Другое дело, что мой неожиданный приступ клаустрофобии не давал покоя всю ночь... Но это не означает, что я вообще не должен сегодня спать! Хоть час сна, да получу.

Окончательно обнаглев, я вознамерился подремать прямо в кресле, а не возвращаться к себе. А что? Если меня не

убили сразу, значит, уже не убьют. Проверено! Правда, тогда я общался не с верховным, а с простым жрецом в захолустном городке, но меня раз и навсегда заверили: если жрец Мертвого солнца не прибил тебя в первые же минуты общения, то жить будешь. Как именно — это другой вопрос, но будешь. Правда, если сам не вознамеришься убить тихого и скромного служителя бога — тогда быть тебе ледяной статуей... И это в лучшем случае. В худшем никто даже и не вспомнит о существовании обидчика.

Кидаться на старого эльфа с криком: «Умри, клыкастый гад!» — я не собирался, но вот поспать в уютном и мягком кресле — вполне! До своей комнаты я так и не добрался — так почему бы не отдохнуть в гостях?

С такой мыслью я на миг прикрыл глаза.

В итоге я благополучно заснул, так как очнулся от того, что меня яростно трясут за плечи, при этом тихо и весьма нецензурно выражаясь. Ну да, чтобы меня не просто поднять с насиженного места, но еще и при этом разбудить, надо что-то посерьезнее, чем легкая тряска. Обливание из чайника, например, или... Эй! А сосульку-то за шиворот пихать зачем?!

Подлетев на ноги, я завертелся на месте, аки волчок, сшибая все на своем пути и пытаюсь выудить холодную пакость. Кое-как вытряхнув ледышку из-за пазухи, плюхнувшись обратно в кресло и только после этого с трудом разлепив глаза, я мутным взглядом обвел окружающую обстановку, пытаюсь сообразить, где же нахожусь. Это явно не моя комната...

Тут я наткнулся на взирающего на меня холодными хрустально-голубыми глазами седовласого эльфа и все вспомнил. Это что же получается — я заснул в логове хищника и остался жив?! Повезло. Ну дак дуракам всегда везет, мог бы уже это и выучить за столько лет жизни.

Тем временем Арициану, успевшему переодеться в черно-серебристый наряд непонятного покроя, надоело растал-

кивать наглого гостя, и он просто поднял меня за шкирку, выдернув из недр кресла. С-с-садист. Поспать не дадут усталому че... хм... *измененному!* Не, ну разве я ему мешал? Хотя, если подумать... В общем, не стоит наглеть и дергать тигра за усы. Лучше у себя посплю.

Убедившись, что я крепко стою на ногах и не собираюсь заваливаться обратно, жрец отпустил мою многострадальную рубаху и шагнул назад.

— Пошли, — мотнул головой он в сторону двери. — Провожу тебя до твоей комнаты. А то еще снова заблудишься, — ехидно усмехнулся старик, показывая уже привычные мне длинные клыки, но вдруг опять напомнившие о его смертоносной силе. — И вломишься в покои какой-нибудь высокой леиши... Не думаю, что тебе уже сейчас хочется заключать супружеский союз.

От подобной перспективы меня передернуло, и я шустро потопал вслед за стремительно идущим по лабиринту дворца жрецом, стараясь не отстать. Поворот, поворот, лестница, поворот, коридор, лестница, развилка, поворот, лестница, поворот... Я попытался было запомнить, куда иду, но после пятого поворота благополучно запутался, где право, а где лево, и дальше шел уже не стараясь понять маршрут, а просто оглядываясь по сторонам. Впрочем, смотреть было не на что: безликие коридоры с узкими бойницами вместо окон и без каких-либо отличительных признаков навевали тоску. Эх... и это дворец? Больше похоже на катакомбы!

Кстати, о катакомбах. Откуда этот жрец знает, где меня разместили? Не окажется ли так, что Арициан вдруг возжелал повторить подвиг Сусанина и теперь ведет меня туда — не знаю куда?

— Простите... А куда мы, собственно, идем? — окликнул я идущего впереди эльфа.

Седовласый обернулся, и его брови изумленно поползли вверх. Правда, глаза так и остались холодными, но это нор-

мально — у всех жрецов Мертвого солнца такие глаза. Словно они видят нечто, недоступное остальным...

— Как это куда? — вырвал меня из размышлений удивленный голос жреца. — К тебе, естественно!

— А откуда вы знаете, где меня разместили? — въедливо поинтересовался я. «Куда ты ведешь нас, Сусанин-герой? Идите все на хрен, я сам тут впервой!» Меня участь дворцового привидения что-то не прельщает!

— А я и не знаю. — От подобного признания, высказанного безмятежным тоном, я споткнулся и едва не загремел вниз с очередной, на этот раз винтовой лестницы. Благо эльф успел вцепиться в ворот моей рубахи (судя по подозрительному треску, и этой одежке пришел полный конец) и помог устоять на ногах. — Спокойно, — произнес он, прежде чем я заорал. — Я иду по связи между тобой и твоим фамилиаром. Вообще-то ты и сам мог это сделать, а не залезать ко мне в окно.

— А я ее и не вижу. — Фух! А я-то уж было испугался, что Арициан все-таки решил от меня избавиться каким-нибудь экзотическим, но тем не менее надежным методом. — Не научился еще ее видеть.

— Да? — удивленно переспросил седой. — Странно... Обычно связь можно увидеть практически сразу после создания фамилиара...

Я только скромно пожал плечами. Ну, у меня вечно все с перепопдвывертом — почему же связь с Миледи должна быть нормальной?

— Хочешь, научу обращению с фамилиаром? — неожиданно спросил жрец, и я второй раз за столь короткое время едва не повстречался с полом.

— Хочу! — приобретя равновесие, отчаянно закивал я, с трудом сдерживая радостный оскал. Что я, совсем дурак: отказываться от возможности поучиться у верховного жреца? Это ж сколько знаний из него можно вытянуть! Правда, если из меня в процессе обучения раньше душу не вытрясут...

— Тогда я разберусь со своими делами и через несколько дней найду тебя. Устроит? — поинтересовался Арициан.

— Конечно!

До комнаты мы шли долго. Как оказалось, седой эльф видит не маршрут, по которому надо идти, а просто отходящую от меня и исчезающую где-то в стене нить связи. Вот мы и петляли, как пьяные зайцы, по коридорам, пытаюсь выйти хотя бы на этаж, где располагалась моя комната.

Когда Торрэн своими лучами уже робко заглядывал в окна, а я спотыкался буквально на каждом шагу и тихо мечтал прикорнуть прямо у стенки (меня удерживало от этого только нежелание расписаться в своей слабости), мы наконец-то подошли к знакомой двери. Сбивчиво поблагодарив жреца и получив в ответ: «Не за что, парень!», я ужом проскользнул к себе и, кучей побросав одежду на пол, забился под одеяло. Спа-а-а-ать...

И вот какая-то сволочь имеет наглость меня будить!

Идите к демонам, гады! Я только лег!

Бум-бум-бум!

— Вставайте, леиш! Мне приказано поднять вас с восходом Харрэса!

У-у-у, ненавижу исполнительных слуг! Убейте этого барабанщика кто-нибудь...

Бум-бум-бум! БУМ!

Плюнув на все, и на вежливость в том числе, я обругал в голос незадачливого «дятла», посланного меня будить (при этом Миледи даже ухом не повела, так и продолжая лежать возле кровати, куда я ее скинул), наложил на дверь глушилку вместе с замком и с блаженным вздохом повалился обратно на кровать. Тишина...

Но тут где-то за окном раздался такой вопль, что звякнули окна! Подскочив едва ли не до потолка, я соскользнул с кровати и, встав, принялся судорожно натягивать одежду. Что произошло? Пожар? Потоп? Нашествие эльфоядных комаров?!

Кое-как запрыгнув в штаны и напялив рубаху (побил свой собственный рекорд — меньше атисс на одевание!), я,

даже не вспомнив об обуви, подхватил растерянно пищащую мышку, сдернул с двери намотанные заклятия и выскокчил в коридор.

ГЛАВА 2

Не так страшен черт, как его малютка!
Опытный воспитатель

Княжич народа эльфов Дайнэлан лиир Ариэс был очень занят. Вы спрашиваете чем? О, очень интересным и даже иногда полезным делом. Он ругался. Звучно, витиевато и очень громко, поминая по матушке, по батюшке и по мастеру изменения своего нового крылатого знакомого, а также пытаясь со стонами размять ушибленную вчера тяжелым карнизом спину и разогнуть до конца левую руку, на локте которой красовался роскошный, переливающийся всеми оттенками багрово-сине-фиолетового синяк. Благо в такую рань на тренировочной площадке недалеко от дворца не было ни души, и никто не мог оценить всю глубину морального падения наследника. Так что Лэй мог спокойно отводить душу в таких емких, но (увы!) недопустимых в приличном обществе и не подходящих княжичу выражениях.

Утренняя тренировка с треском провалилась. Большая спина не позволяла не то что провести разминку так, как эльф привык за много лет, она даже разогнуться толком не давала! И что самое противное — обычные методы исцеления просто не действовали. Почему? А кто его знает...

Чувствуя себя старым и больным дас'саалом¹, княжич с облегченным вздохом растянулся на траве и бездумно уставился в небо. Как хорошо. Тихо, спокойно... Пока еще несмелые, робкие лучики второго солнца пробиваются сквозь нежную листву... О, где-то в отдалении запела птичка... Небольшая стая ш'шэври летит сюда на огромной скорости...

¹ Дас'саал — хранитель традиций, старейшина.

Стоп!

Небольшая? Стая?! Ш'ШЭВРИ?!

Ек...

Дайнэлан, враз забыв о больной спине, — да что там, забыв обо всем! — вскочил с земли, намереваясь бежать в кабинет к отцу, в горы к гномам, на остров нимф... Куда угодно — только подальше отсюда! И побыстрее — они уже близко!

Что такого опасного в небольшой стайке новорожденных ш'шэври, спросите вы? Ничего... Если не считать того, что летающие химеры, когда они маленькие, практически неуправляемы. И ведет их пока по жизни один-единственный инстинкт: быть поближе к обожаемому хозяину. А если еще учесть, что ш'шэври, летящие сюда, явно принадлежали к породе боевых, а не являлись забавой для гонок — в последние пару сотен лет появилось и такое извращение: использовать химер для игр в воздухе. Слава Лесу, что эти птички плохо размножаются, иначе пострадавших в результате падений было бы в разы больше! Так вот Дайнэлану светила участь быть атакованным сносящими все на своем пути в припадке любви к родителю-хозяину химерами.

Их было четыре: три светло-золотистые самочки и один более мощный, ярко-фиолетовый самец. Завидев среди ветвей забившегося туда в тщетной надежде скрыться от них хозяина, одна из самочек радостно заверещала и устремилась вперед. Быстрее, быстрее! Вдруг эльф еще передумает и откажется от них?

Под радостное: «Ви-и-и-и!» ш'шэври дружно спикировали вниз — вперед, к одному из родителей! Лэй шарахнулся было в сторону... Но химеры оказались проворнее. А ветви дерева не были рассчитаны на то, что на них с размаху приземлится такая тяжесть...

Удар-полет-треск-треск-полет-треск-полет-удар!

Пришибленный падением с дерева, полузадушенный свалившимися на него химерами, оглушенный их радостным верещанием, яростно вылизываемый своими новыми

питомцами и не имеющий возможности пошевелиться, Дайнэлан прибегнул к последнему средству спасения: кое-как спихнув со своей головы золотистое крыло и отплевавшись от попавших в рот чешуек с фиолетового хвоста, княжич зарорал.

Бег с препятствиями по коридору вслед за бежавшим где-то впереди «будильником» на удивление быстро вывел меня из лабиринта ходов-переходов-лестниц в огромный холл. Сквозь распахнутые двери — хотя скорее им бы больше подошло название «ворота», столь массивными они были — ярко светило солнце, освещающее ажурные стены и пол потрясающей красоты. Нереальная, воздушная красота... Которую портили только несколько здоровущих эльфов, несущихся по направлению к выходу, при этом громко бухая сапогами. Это что еще за отряд быстрого реагирования?

Поскольку спать мне все равно больше не хотелось (еще бы, подобные вопли воскресят даже эльфийских покойников, чей прах уже давно развеян по ветру!), я решил посмотреть, что же все-таки случилось, и пристроился в хвост бегущим. На меня неодобрительно покосились, но промолчали — видимо, либо князь, либо тот «маяк», который вчера был совместными усилиями доведен до бессознательного состояния, предупредил солдат, что во дворце завелось одно крылатое, блондинистое нечто и что трогать его опасно для здоровья. Что ж, и то хлеб...

Ого! Вот это да... Красота-то какая!

Я восхищенно выругался, разглядывая открывшийся моему взору пейзаж.

Вы когда-нибудь прыгали с парашютом, при этом рассматривая находящийся прямо под вами лес? Я — нет. Но сейчас мне в голову пришло почему-то именно такое сравнение...

Дворец покоился в ветвях просто монументального по своим размерам дерева, высоко над землей — метрах в ста, не

меньше. Передо мной предстала вся прелесть постепенно пробуждающейся эльфийской столицы: искрящиеся на солнце здания — как созданные на деревьях, так и построенные на земле, тонкие мостики между деревьями, ажурное великолепие зелено-золотистой листвы... Но ни одно дерево не было таким же огромным, как княжеское. Лесной великан... Страж Леса...

Это мирное великолепие нарушало только громкое топание солдат, бегущих теперь вниз по опоясывающей необхватный ствол древа-дворца широкой лестнице, да еще какое-то непонятное громкое попискивание, раздающееся откуда-то со стороны. Миледи шевельнула ухом — странные звуки заинтересовали и ее.

Поддавшись любопытству, уговаривающему меня выяснить, что же, собственно, произошло, я выскользнул из холла и немного спустился вниз по ступеням. Ну вот... Тут даже перила есть! Резные, красивые. А вот в подаренном мне теткой доме-дереве я перил что-то не заметил. Совсем.

Угу, и будут мои гости отращивать себе крылья, чтобы не свалиться с жердочек, по недоразумению именуемых ступенями. Хотя, скорее всего, единственным, кто будет летать над лестницей моего дерева, окажусь я сам — все-таки у меня не настолько развито чувство равновесия, как у расы клыкносоцев. А если говорить точнее, то совсем никак. Эх, не гожусь я в акробаты... Абыдно.

Непосредственно у корней княжеского древа было еще несколько строений, возле одного из которых, куда, собственно, и направлялся отряд эльфийского ОМОНа, наблюдалось подозрительное шевеление. Ну-ка, ну-ка, что там у нас? Похоже на занятие по борьбе, только у борцов какие-то странные, слишком яркие костюмы, словно цирковые...

— ВИ-И-И-И!

От неожиданного оглушительного визга, раздавшегося со стороны драчунов, я, едва не сверзившись со ступенек, непроизвольно присел, отчаянно зажимая уши руками и краем глаза замечая, как Миледи от подобного акустическо-

го удара выпала в астрал, с трудом успев зацепиться коготками за рукав. Это что еще за звуковая атака?!

Пока я тряс головой в бесплодных попытках вернуть слух и снова осознать себя в пространстве, от группы борцов отделились две золотые тени и метнулись ко мне.

Чтоб мне до конца жизни одним горохом питаться! Кто это?

Ко мне, радостно пища, летело нечто. Нет, даже не так. Ко мне летело НЕЧТО. Потому что отнести этих тварей к какому-то виду не представлялось возможным. Хотя у алкоголиков бы это получилось с легкостью...

Представьте себе длинную — около метра, но худющую, аки узник концлагеря, ярко-золотистого цвета змею с двумя парами лап: мощными задними и маленькими, больше похожими на цыплячьи лапки, передними; длинными, круто загнутыми назад белоснежными рогами и непропорционально большими стрекозиными крыльями, находящимися в верхней части туловища, сразу за которыми спина изгибалась, образуя некое подобие места для седока... Правда, поместиться туда смог бы разве что Мальчик-с-пальчик. Или такой же похмельный глюк, каким была эта змея.

Кроме того, эти чуда радиации обладали ярко-алыми глазками с узкими вертикальными зрачками и являлись гордыми владельцами длинных белоснежных когтей и великолепного набора треугольных кусалок. И вот теперь они, пронзительно вереща, упорно летели ко мне. А в их глазах даже с такого расстояния было видно неприкрытое обожание... Меня?!

Оп-па... Вот это я попал!

Круто развернувшись и едва успев подхватить сорвавшуюся Миледи, я рванул обратно в спасительное укрытие дворца, шлепая босыми ступнями по скользкому, отполированному тысячами ног дереву. Эти... жертвы Чернобыля и Хиросимы упорно летели за мной. Я на такое не подписывался! Да я лучше еще раз с колдовастиком встречусь, чем с

этими радостно кричащими за моей спиной первостатейными глюками заядлого травокура!

Я не успел добежать до двери всего чуть-чуть. Буквально пару ступеней...

В спину толкнуло что-то тяжелое, и я, протаранив полуоткрытую створку дверей головой, на пузе въехал в затемненный холл, громко ругаясь.

Шершавый язык прошелся по моим волосам, превращая и без того уже порядком растрепанные (так и не расплетенные, но уже потерявшие свой товарный вид) косички во взрыв на макаронной фабрике; цепкие лапки с острыми коготками с наслаждением вцепились в мои крылья. Перед глазами свесился светло-золотистый чешуйчатый хвост с миниатюрным костяным трезубцем на кончике (кто бы знал, чего мне стоило удержаться от искушения вцепиться в него зубами!), еще один хвост обвил левый локоть, обездвиживая руку и оставляя возможность шевелить только пальцами, — правая же была зажата подо мной в результате неудачного приземления, и вытащить ее не представлялось никакой возможности, — а в мои бедные уши ворвались счастливые визги ящероподобных глюков.

Они носились по мне, словно по тренировочному полю, успевая при этом оглушительно пищать и вылизывать меня всего целиком. Досталось даже Миледи! И теперь обалдевшая мышка, чья шерстка на пузике встала дыбом благодаря интенсивному облизыванию, только и могла что шарахаться в сторону всякий раз, как мимо нее со свистом проносилась одна из этих... Этих внебрачных детей атомного реактора и созданной криворуким наркоманом нейтронной бомбы! Мать вашу эльфийскую, да уберите же этих тварей от меня!

Попытка спихнуть малышей (а это были именно малыши — никто иной не умеет пищать столь радостно и самозабвенно) с себя, любимого, окончилась полным провалом. Чешуйчатые детки в упор не желали отцепляться от орущей и говорящей столько новых и крайне интересных слов игруш-

ки. А когда я перекатился, чтобы все-таки сбросить со спины обнаглевших тварюшек, мое действие ознаменовалось таким верещанием, что я предпочел замереть, распластавшись на теплом полу, словно недодушенная лягушка, и отдавшись на волю неведомых существ. Чуть ли не тех самых, кои «воют воем, что твои упокойники», как в той самой песне. В конце концов, не съедят же они меня. Хотели бы — уже бы загрызли, с их-то кусалками. Значит, со мной просто играют. Что ж, поддадимся и будем надеяться, что они не станут больше визжать мне в ухо. Получить еще один акустический удар — третий за это безумное утро — я что-то не очень хочу. Мне мой слух слишком дорог, чтобы я вот так вот рисковал лишиться его из-за пустяка!

После особенно громкого: «Ви-и-и!» я вздрогнул и с трудом подавил желание позорно заорать. Долго я еще буду изображать из себя любимую косточку для этих недодраконов? Хорошо хоть, что они не кусаются... Да где же все?! Люди, ау! Выньте меня отсюда! Меня же сейчас тут до смерти залижут!

Служить пружинным матрасом мне пришлось, вопреки ожиданиям, не так уж и долго: через несколько атисс со стороны распахнутых дверей-ворот дворца раздались шаги, невнятное бормотание, лягз чего-то металлического, затем тихий вскрик, и чьи-то руки наконец сняли с многострадального меня активно сопротивляющихся и яростно цепляющихся за мою одежду всеми конечностями тварюшек. Ура! Свобода!

Под сдавленное насмешливое кхеканье долгожданных помощников я, кряхтя и потирая отбитую бешеными плясками недобитых глюков поясницу, перекатился на спину и первым делом наткнулся взглядом на невесть откуда взявшегося здесь княжича.

Но в каком виде он был!

Сизо-серая, перепачканная землей и щедро украшенная отпечатками когтистых маленьких лапок одежда, в прошлой, лучшей жизни имевшая белый цвет; вставшие дыбом,

зализанные в самом что ни на есть прямом смысле этого слова набок волосы, перекошенное лицо и любопытство в глазах пополам с такой жгучей надеждой... Вот только на что?

Тут же нашлась и причина подобного чувства! Рядом со мной стояли те «омоновцы», которые совсем недавно столь бодро неслись по холлу дворца и за которыми я имел честь наблюдать. Четверо из них с заметным усилием держали отчаянно визжащих и вырывающихся глюков: трех светло-золотистых и более худеньких и одного крупного, ярко-фиолетового. Держали цепко, потому эти змееподобные создания не могли вырваться, что в принципе не мешало им извиваться, словно червяки на крючке, в тщетных попытках обрести свободу.

Меня аж передернуло. Уберите их отсюда! Еще одного сеанса вылизывания за утро я просто не выдержу! Взорвусь раньше...

— С добрым утром! — переведя на меня искрящийся весельем взгляд, поздоровался Лэй и протянул руку, чтобы помочь подняться с пола.

— И тебе не чихать, — отозвался я и вцепился в протянутую конечность. Кряхтя, поднялся на ноги и, недоуменно вздернув бровь, уставился на придушенно смеющихся эльфов вокруг меня. Перевел взгляд на княжича — тот, прикусив кулак, чтобы не расхохотаться в голос, смотрел на меня чуть прищуренными глазами. Да что происходит?!

За спиной послышались тихие шаги и раздался знакомый, хоть и немного сонный голос правителя (ну да, он же тоже лег всего пару сеадов назад!):

— Что тут происхо... — Резко обернувшись, я удостоился чести лицезреть отвисшую челюсть и выпученные глаза Великого князя. — ...дит, — ошарашенно закончил он, глядя на меня, словно на призрак отца Гамлета.

Гр-р-р... Да в чем дело-то, может мне кто-нибудь объяснить?!

Наконец один из отсмеявшихся «омоновцев», смилостивившись над шипящим, уже едва не плюющимся ядом мной,

наколдовал небольшую отражающую поверхность, которая послужила неплохой заменой хоть мутному и тусклому, но все же зеркалу. Та-а-ак... И что же натворила со мной эта крылато-рогатая чешуйчатая мелочь?

Ой, ма-а-ать моя женщина... Лучше бы я и дальше оставался в блаженном неведении касательно собственного облика. Ибо то, что отобразилось в зеркале, можно было описать только при помощи мата. Причем русского — ибо мой скромный запас эльфийского высокого ну никак не мог выразить все в должной мере.

«Утро в танке после пьянки» — вот как культурно называется представшая моим глазам картина. Причем пьянка (хотя скорее грандиозный запой) продолжалась как минимум целую хайдэ¹... А то и не одну!

Я когда-то сравнивал свою прическу с оригинальной шевелюрой Медузы горгоны и сетовал, что подобное гнездо очень долго распутывать, а потому хуже ситуации быть не может. Так вот — я ошибался. По сравнению с тем, что творилось на моей бедовой голове сейчас, то, что бывало раньше, являлось лишь бледной тенью моего нынешнего состояния. Больше всего я походил на похмельного ежика, у которого колючки торчат каждая в свою сторону... Вот только у меня вместо коротеньких иголок были длинные, перепутанные, связанные едва ли не в тройные морские узлы косички, что придавало моей прическе еще больший хаос.

В качестве добывающего удара милосердия — вся эта «красота» была тщательно зализана на правый бок и немного на лоб. Осталось только нацепить на нос большие очки в роговой оправе и с толстыми линзами — и готов образ безумного ученого-физика после неудавшегося опыта! Или хиппующего индейца — это как еще посмотреть. Какой-нибудь Укуренный Орел, Сорвавшийся С Верхушки Секвойи В Пропать... Изорванная местами до состояния лоскутов и истоптанная когтистыми (и довольно грязными!) лапками одежда, общий помято-истерзанный вид, которому позави-

¹ Х а и д э — декада.

дует любой уважающий себя бож, ссадины на руках и роже и шальной взгляд прилагаются.

— А я упала с самосвала, тормозила головой, — несколько истерично продекламировал я всплывший в голове детский стишок, подходящий к данной ситуации как нельзя лучше, со все нарастающим ужасом рассматривая себя в зеркале... Точнее, то пугало, которое отображалось в гладкой поверхности вместо меня. — Если б знала, как упала, тормозила бы ногой!

Тут расческа не поможет — тут ножницы нужны! Причем — я оценил масштаб бедствия — садовые! Иные этот клубок просто не возьмут.

По сравнению со мной княжич казался лишь слегка взъерошенным. Ну да, у него же не было любовно вывязанного змеенышами-переростками тройного морского узла впере-мешку с колтунами на макушке! За десяток атисс разберется. А что в таком случае делать мне? Искать секатор?

— Э-э-э... — протянул я, подхватывая с пола за лапы дезориентированную Миледи и растерянно оборачиваясь в сторону уже взявшего себя в руки князя. — Простите... Мне можно где-нибудь переодеться?

«И помыться!» — мысленно добавил я, чертыхнувшись. Пусть слюна этих эльфийских глюков не оставляла следов, но ощущение было такое, будто я искупался в бочке с сиропом: все зудит, кожу неравномерно стягивает, а крылья слиплись между собой и в довершение частично прилипли к спине. За-ме-ча-тель-но. Если я срочно не приму ванну, то умру от отвращения! Или от неведомой заразы — кто его знает? Нет, ну какая же гадость...

— Пойдем, — отмер правитель и, развернувшись, куда-то целеустремленно направился. Махнув рукой все еще давящемуся хохотом княжичу и кивнув подозрительно невозмутимым «омоновцам», я пошел вслед за местным хозяином, гордо расправив плечи, выпрямив спину и демонстративно игнорируя сдавленное хрюканье эльфов и приглушенное верещание «китайских драконят» позади.

Уже когда я практически вышел из просторного холла, за спиной раздался особенно громкий взвизг, звон бьющегося стекла, пронзительное шипение, затем звук падения чего-то тяжелого, а следом понесся залиvistый мат эльфеньша. Опа, а откуда он это выражение на русском знает? Ладно, сделаю вид, что я тут ни при чем...

Обернулся — и едва успел прикусить кулак, чтобы не расхохотаться слишком уж громко. Над ухом раздался тихий хмык правителя — и я его понимал! Как тут от смеха удержаться?

Фиолетовая перезмейка, увидев, что одна из ее мишеней для облизывания уходит, каким-то чудом ухитрилась вывернуться из захвата стража и бросилась за удирающей из помещения целью, сиречь мной, попутно снеся наколдованное зеркало. Но на ее пути оказался Лэй... Хорошо еще, что осколки разбитого зеркала испарились, иначе княжич, на которого с радостью переключилась тварюшка, вцепившись всеми конечностями и вновь начав с подвыванием вылизывать его, рисковал серьезно располосовать себе спину.

Остальные рогатые змейки, увидев, что их товарка добилась своего, задержались с такой силой, будто через них пропускали электрический ток, при этом оглушительно визжа. Та-а-ак... Ходу отсюда, ходу! Если они сейчас вырвутся, а к этому дело и идет, то мне предстоит еще несколько веселеньких атисс в качестве любимой косточки. Не-хо-чу!

Проскользнул под рукой князя в распахнутую дверь и услышал за спиной торжествующий клекот и цокот маленьких коготков по полу. Все. Глюки вырвались на свободу. Спасайся кто может!

Вовремя я оттуда смылся, ох как вовремя... Вон, даже очухавшаяся Миледи согласна.

Правитель тоже не стал дожидаться результатов борьбы сына с рогатыми. Бросив указание: «Приструнить и успокоить!», он быстро догнал меня и устремился вперед.

Бедный княжич... Если ты падешь смертью храбрых, зализанный чешуйчатými детьми Чернобыля, родина в моем лице тебя не забудет!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Часть первая. НЕТ ПРАВА НА ПОЛЕТ.....	9
Часть вторая. НЕТ ПРАВА НА ВЕЧНОСТЬ.....	183
<i>Эпilog</i>	310